

“КАК ДЕЛА У РУКИ ХУДОЖНИКА?” *Смена. - С-Пб. - 2001. - 7 дек. - с.18*

“Главное событие сезона”, - сказал Боровский. “Политическое”, - добавил арт-критик. Художник определил более жестко: “Официоз и все”. Не только эти трое, но и прочие критики и журналисты, уже напечатавшие свои рецензии по этому поводу в печатных и электронных СМИ, рассуждая о выставке Йорга Иммендорфа “Всем вещам свойственно меняться”, говорят о политике, истории или, вспоминая, наконец, об авторе и его произведениях, - о позиции художника. Масла в огонь подобного отношения подлили канцлер ФРГ Герхард Шредер и президент России Владимир Путин - один написал вступительное слово в каталоге, второй отправил приветствие.

Еще одна причина, по которой все уделяют внимание политическим аспектам, - это то, что картины немецкого художника переполнены символами и просто напрашиваются на расшифровку (интерпретацию). Ни для кого не секрет, что обозначают звезда, свастика, Бранденбургские ворота или орел. А о других, менее общих, можно легко догадаться: театральная сцена, добрая обезьяна, убегающие крысы и так далее - словарь символов небесопределен. Так как им легко пользоваться, все и занялись переводом визуального в вербальное, либо по-

лагая при этом, что переход происходит без потерь, либо вообще отказывая Иммендорфу в праве называться художником.

Последние не только клеймят его искусство “советским” ругательством “официозное”, уподобляют Илье Глазунову, но и ставят в вину неправомерное содержание его картин, как, например, серию портретов коммунистических лидеров или изображение на одной из картин обятия бывшего генерального секретаря компартии ГДР с канцлером ФРГ. За этим скрывается типично российское отношение к политике, к политической истории, которые, по мнению большинства художников, могут стать только предметом критики, или использоваться в качестве материала для каких-то своих художественных целей (акций и перформансов), или послужить прообразом для собственных политических игр. Запрет, таким образом, налагается на отношение всерьез, на действительное участие в политических процессах, на открытое объявление своей позиции. Но то, что представляется чуждым российскому жителю (сказать “гражданину” - погрешить против истины), не обязательно является таковым для немца или, скажем, швейцарца.

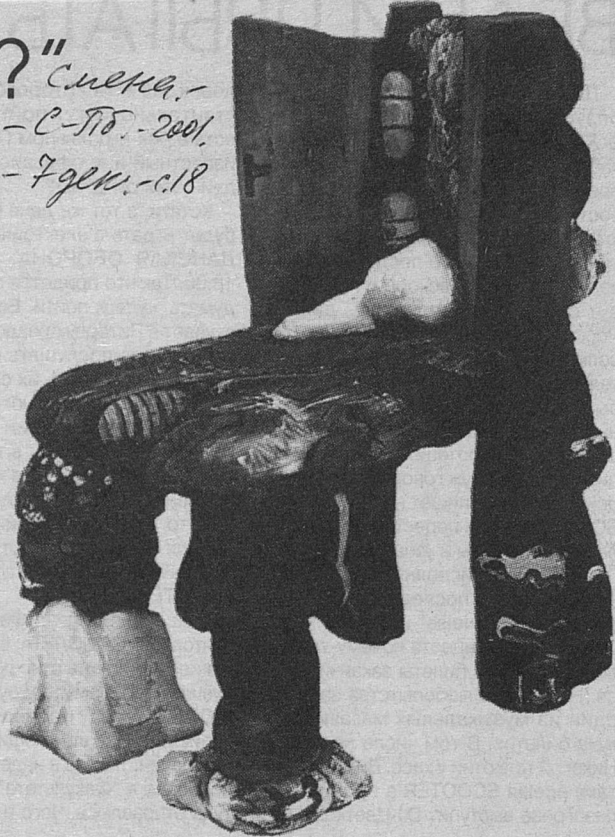
Дневниковые записи 1968 года швейцарского писателя и

драматурга Макса Фриша поражают именно соотношением тем: гендерным проблемам уделяется столько же места, сколько рассуждению о толстовском “непротивлении злу” или описанию студенческих волнений в Париже: “При этом полиция сама казалась ошеломленной. Всякая успешно проводимая ею акция лишает ее ореола защитника. Обнаруживается, что парашютные войска не только лучше обучены применению силы, лучше вооружены, чем студенты или кто бы там ни заполнил бульвар; каждый из них, такое у меня было впечатление, превосходит целую группу студентов: он действует по приказу. Это наделяет бесстрастным отношением к насилию: он ведь избивает и стреляет не как личность, а с вопросом совести государство всегда справится”. Трудно представить, что современный российский писатель начнет рассуждать в личном дневнике о возможности выхода из чеченской войны, или художник сделает темой своего произведения проблемы взаимоотношения законодательной и исполнительной власти.

Для немецкого художника подобные темы наряду со всеми прочими представляются очевидными. В случае Иммендорфа имеют место еще и личные ассоциации и аллюзии ав-

тора, который использует общезначимые символы для того, чтобы дать собственную интерпретацию какому-либо историческому событию или явлению, расставить свои акценты. Если начать перечислять сюжеты его картин: “Привести Германию в порядок”, “Маленький мировой вопрос”, “Маленький партсъезд” и т.д. - можно попасть в число тех, кто занимается переводом с живописного языка на язык текстов. Чтобы этого не случилось, можно попробовать ответить на ироничный вопрос, поставленный Иммендорфом: “Как пожирает рука художника?”. На самом деле, подобная ситуация невозможна. Никто не кинется к живописцу с микрофоном и видеокамерой, чтобы узнать, как дела у его руки. Все уже совершенно четко для себя определили место художника и род занятий, какую тот занимает “позицию” в современной “ситуации”, какие имеет политические пристрастия. Мало кто обращает внимание, что “всем вещам свойственно меняться”, что автор к концу 90-х не только сменил живописную манеру, отступив от экспрессионистической, но и стал формулировать другие, более общие, если так можно выразиться, вечные вопросы, не касающиеся сиюминутных политических подробностей. Если бы Иммен-

дорф выставил картины последних двух лет, то страстей вокруг его имени было бы гораздо меньше. Скорее всего, его выставка прошла бы тихо и обыденно, как и проходят обычно художественные выставки, так как герметичные, метафизи-

ческие картины последнего времени с трудом доступны для словесной интерпретации. И тем более никто бы не поинтересовался: “Wie geht es Kuenstlerhand?”.

Елена НЕВЕРДОВСКАЯ